

СЭНДМЕН
СЛИМ

A decorative flourish consisting of a thin, curved line that starts under the 'С' of 'СЛИМ', loops to the right, and ends in a small, ornate scroll-like shape.

RICHARD
KADREY

A decorative flourish consisting of a curved line that ends in a small, ornate scroll-like shape.

SANDMAN
SLIM

РИЧАРД
КАДРИ

СЭНДМЕН
СЛИМ

fanzon

Москва
2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К13

Richard Kadrey
SANDMAN SLIM

Copyright © Richard Kadrey, 2002
This edition published by arrangement with Curtis Brown Ltd.
and Synopsis Literary Agency

Оформление серии А. Саукова
Иллюстрация на переплете Ф. Барбьшева

Кадри, Ричард.
К13 Сэндмен Слим / Ричард Кадри ; [перевод с ан-
глийского М. Сороченко]. — Москва : Эксмо, 2020. —
416 с.

ISBN 978-5-04-105808-1

Старка, молодого мага, братья-окультисты отправляют в Ад. Там ему приходится биться с демонами на гладиаторских боях и служить личным киллером Азазеля. Спустя одиннадцать лет он сбегает из Преисподней. Он восстает в Лос-Анджелесе для того, чтобы отомстить предателям. Но все оказывается не так просто... Завораживающая кинематографичная смесь фэнтези, триллера, крутого детектива и литературы черного юмора от одного из создателей киберпанка.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-105808-1

© М. Сороченко, перевод на русский
язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Николя

*О, справедливый Судья мщения,
даруй мне отпущение грехов
перед Судным днем!*

СЕКВЕНЦИЯ DIES IRAE

*Чем более глупым считают тебя люди,
тем сильнее удивляются, когда ты их
убиваешь.*

УИЛЬЯМ КЛЕЙТОН

Я ОЧУХИВАЮСЬ на дымящейся куче из мусора и опавших листьев на старом кладбище «Голливуд навсегда» за участком студии «Парамаунт» со стороны Мелроуз-авеню, хотя догадываюсь об этом несколько позже. В первый момент мне понятно только одно: я вернулся в мир, и я горю. Хотя разум мой еще не вполне включился, инстинкты заставляют тело соскочить с объятый пламенем кучи и катиться дальше, пока жар наконец не перестает чувствоваться.

Осознав, что опасность миновала, я с трудом поднимаюсь на ноги и стягиваю с себя кожаную куртку. Затем провожу руками по пояснице и ногам. Настоящей боли нет. Кажется, я легко отделался: только парой волдырей — под правым коленом и на голени. Джинсы немного подпеклись, но толстая кожа куртки защитила спину. Я не получил настоящих ожогов, всего лишь слегка опалился и испытал шок.

Скорее всего я не пробыл в огне слишком долго. Но в этом смысле мне везет. Всегда везло. В противном случае я бы спекся в угольный брикет уже через пять минут пребывания на земле. Представляю, как хохотали бы ублюдки с черными сердцами, если бы я загремел обратно в Ад сразу после того, как ловко слинял оттуда через заднюю дверь. Впрочем, идут они в жопу! Я дома, и я жив, хоть и немного потрепан

путешествием. Но никто не говорил, что рождение — это легко. А перерождение просто обязано быть в два раза тяжелее первого появления на свет.

Свет.

Тело больше не горит, но глаза в глазницах почти кипят. Как давно я не видел солнечного света? Внизу, в заднице мироздания, царит вечный малиново-пурпурный полумрак. Сейчас я даже не могу сказать, какого цвета кладбище, на котором я нахожусь, поскольку всякий раз, когда я пытаюсь открыть глаза, зрение застилает мучительной белизной.

Щурясь, как крот, я отбегаю в тень колумбария и стигаюсь там, прикрыв лицо руками и уткнувшись лбом в холодную мраморную стену. Проходит минут пять или десять, прежде чем я отрываю ладони от лица и позволяю кроваво-красному свету просочиться сквозь веки. В течение следующих двадцати минут я постепенно разлепляю глаза, впуская понемногу ослепительный свет лос-анджелесского солнца, и мысленно скрещиваю пальцы, надеясь, что никто не увидит меня сидящим на корточках возле стены. Прохожие непременно решат, что я спятил, и вызовут полицию. А с этим, черт возьми, уже ничего нельзя будет поделать.

Колени и мышцы голеней начинают болеть еще до того, как мне вполне удастся открыть глаза. Я вытягиваю ноги и сажусь на землю, прижавшись в холодной стене, чтобы хоть немного снять мышечное напряжение. Несмотря на то что теперь я вроде как вижу, пока категорически не готов выйти на солнце. Сидя в тени, я принимаюсь размышлять.

Одежда опалена, но еще пригодна для носки, если не обращать внимания на запах сторевшего мусора.

На мне древняя футболка с принтом «Gerns»¹, которую моя девушка урвала в каком-то антикварном магазине в Западном Голливуде. Кроме футболки — черные джинсы с дырками на коленях, ношенные сапоги-«инженеры»² и потрепанная мотоциклетная куртка из толстой кожи с заклеенными скотчем проблемными местами. Каблук правого сапога шатается после того, как я выбил им дурь из говнюка-угонщика, вышвырнувшего на светофоре какую-то верещащую тетку из машины на тротуар. Терпеть не могу копов и ненавижу, бл..ь, замечательных героев, но бывает в жизни херня, с которой невозможно мириться — тем более когда она происходит совсем рядом. Конечно, это было давно, еще до путешествия вниз. Не знаю, как поступил бы я сегодня, разыграйся перед мной похожая сцена. Скорее всего и сейчас пнул бы угонщика в рыло, но вряд ли потом позволил ему уйти.

Мысли мои заняла более важная тема: о том, что теперь на мне именно та одежда, которую я носил до того, как меня похитили демоны. На твердый пол Подземного Мира я упал абсолютно голым. Когда я попытался встать, шатаясь и теряя равновесие, я услышал первый взрыв дикого смеха, и меня вырвало перед толпой падших ангелов. Потом они смеялись, в основном когда я терпел физические унижения то от

---

¹ «The Gerns» — первая панк-группа в Голливуде, игравшая хардкор, чьи песни в дальнейшем вдохновили десятки групп, в том числе Nirvana (*здесь и далее прим. пер.*).

² Engineer boots — сапоги из толстой кожи с высоким голенищем и фиксирующими ремешками сверху и снизу. Приобрели культовый статус среди молодежи в 1950-х годах после выхода на экраны фильма «Дикий» с Марлоном Брандо.

одного, то от другого дьявольского пса. Уж поверьте, Ад — это довольно суровое место.

Прошло много времени с тех пор, как я в последний раз видел эту одежду. Я обшариваю карманы в поисках денег или чего-нибудь полезного. Такового не много. В карманах почти пусто, за исключением двадцати трех центов и пустого розового спичечного коробка с именем и адресом голливудского поручителя. У меня нет ключей — ни от квартиры, ни от старенькой «Импалы», оставшейся от отца.

Я чувствую давление повыше правой лодыжки, и меня охватывает настоящая волна счастья. Черный клинок со мной — он привязан к ноге ремнями из кожи василиска. Прижав руку к груди в области сердца, я нащупываю цепочку под футболкой и толстую золотую монету Веритас¹, висящую на ней. Тот факт, что я вообще на Земле, означает, что ключ от Комнаты Тринадцати Дверей все еще у меня — даже несмотря на то, что я не могу его потрогать или увидеть. Итак, три предмета из Ада мне вынести все-таки удалось. Но на это потребовалась немалая ловкость. Конечно, ни один из этих предметов не отменяет того факта, что у меня нет денег, удостоверения личности и машины, что одежда моя чуть не сторела, и я не знаю, где буду ночевать. Кроме того, я понятия не имею, где нахожусь, за исключением того, что эта трейлерная стоянка возле кладбища навевает мысли о Лос-Анджелесе. Так что начало ни хрена простым не будет. Видимо, я стану первым в истории убийцей, которому придется попрошайничать, чтобы заработать на патроны.

Еще не прозрев, я медленно добираюсь до центральных ворот кладбища и подле них погружаю руки

---

¹ Veritas (лат.) — истина.

в воду, текущую с вершины фонтана созерцания. Затем жадно пью и брызгаю себе водой на лицо. Вода холодная и вкусная, как первый поцелуй. И тут меня окончательно отпускает. Это не какая-нибудь дьявольская иллюзия, колдовство или игра, затеянная нарочно, чтобы сломить мой дух. В этот раз я действительно дома.

Но куда, черт возьми, запропастились все люди?

Снаружи именно то, на что я рассчитывал: к северу от того места, где я нахожусь, виднеются знаменитые большие белые буквы «HOLLYWOOD». Торчащие на грязно-коричневом лысом холме, они еще никогда не казались столь прекрасными. С противоположной стороны по Мелроуз-авеню время от времени проносятся машины, но их до странности мало. А на тротуарах людей нет вообще! Под углом относительно ворот кладбища стоят несколько небольших домов. Зеленые лужайки украшены фонарями, пластиковыми оленями и надувными снеговиками. Через дорогу на дверях некоторых домов висят венки.

Охереть! Сегодня Рождество! По некоторым личным причинам я нахожу это дико смешным и начинаю хохотать, как идиот.

Кто-то жестко режется мне в спину, и сразу становится не до веселья. Я оборачиваюсь и оказываюсь лицом к лицу с молодым человеком, выглядящим как менеджер-карьерист. Он смазливый, как Брэд Питт, у него аккуратная прическа и черный двубортный пиджак. Такая прическа и такой пиджак стоят дороже моей старой машины. Но откуда он выскочил, черт возьми? Надо взять себя в руки. В Нижнем Мире никому не удавалось подкрасться ко мне незаметно.

— Какого хера?! — орет «Брэд Питт» и отступает на пару шагов назад на негнувшихся ногах.

Как будто я виноват, что он в меня врезался!

Хоть на улице не жарко, он обливается потом, как скаковая лошадь, и делает резкие быстрые движения, словно заводная игрушка. Он смотрит на меня так, будто я только что убил его любимую собаку.

— Остынь, Дональд Трамп, — отвечаю я. — Вообще-то это ты меня толкнул.

Он нервно утирает верхнюю губу тыльной стороной ладони, и из его руки что-то падает на землю. Молодой человек дергается, но, вместо того чтобы поднять упавшее, отступает еще на шаг. На тротуаре между нами лежит пластиковый пакет с сотней кокаиновых снежно-белых «камешков» внутри. Я улыбаюсь. Добро пожаловать в Лос-Анджелес на Рождество. Поздоровайтесь с Сантой, затарившимся для вечеринки, которую мне определенно придется пропустить.

Прежде чем я успеваю что-нибудь сказать, парень лезет в карман пиджака. Я хватаю его за руку в тот же миг, когда он достает оттуда электрошокер, затем беру за запястье и выворачиваю наружу, тем самым вынуждая потерять равновесие и свалиться, сильно ударившись о тротуар лицом. В этот момент в голове моей нет никаких мыслей. Тело действует само, будто на автопилоте. Должно быть, какая-то часть мозга до сих пор работает правильно.

«Брэд Питт» не шевелится. Он упал на собственный шокер, который теперь торчит у него из-под ребер. Я отпихиваю «оружие» в сторону и трогаю его за шею. Несмотря на то что он лежит без сознания, пульс сильно учащен. Кто сказал, что крэк вреден для здоровья? К лацкану его пиджака приколота маленькая бу-

лавка в виде новогодней елки. Ее вид возвращает меня к мыслям о Рождестве, о том, каково это — оказаться где-то одному, без друзей, а также как воспользоваться своим «Гайным Сантой» прямо сейчас. Кажется, мой новый друг может сыграть роль доброго самаритянина не хуже, чем любой другой человек за пределами кладбища у Мелроуз. Я бросаю быстрый взгляд в сторону улицы, убеждаясь, что там по-прежнему пусто, затем кладу электрошокер в карман и отгаскиваю молодого человека в глубь кладбища — за какую-то изгородь.

Перевернув парня, я с радостью обнаруживаю, что это Санта, Зубная Фея и Пасхальный Кролик в одном лице. Его бумажник из кожи морского угря плотно набит сотенными купюрами — здесь по меньшей мере несколько тысяч долларов. Несмотря на то что дерганый сукин сын был буквально упорот кокаином и в своей паранойе пытался убить меня электричеством только за то, что я оказался у него на пути, меня терзает легкое чувство вины, когда я копаюсь у него в карманах. В свое время я совершал немало сомнительных поступков, но грабить мне еще не доводилось. Хотя технически это не ограбление. Ведь «Брэд Питт» напал на меня первым. В иных обстоятельствах вынужденное из экипировки этого парня можно было бы отнести к «трофеям войны». Кроме того, я отчаянно нуждаюсь в его вещах. Ведь я вернулся ни с чем — без друзей и знакомых, не имея толкового плана действий.

Я забираю у него наличные, солнцезащитные очки «Порше», нераспечатанную пачку «Black Black Gum»¹, а также пиджак, который хоть и жмет немного в пле-

---

¹ «Black Black Gum» («Чернее Черного») — японская жевательная резинка. Содержит в составе ментол, эвкалипт и кофеин, оказывающие сильное тонизирующее действие.